

Рецензия

УДК 94(47).046/048 + 930.253

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-8>

**Вологодский купец Г.М. Фетиев: опыт персональной археографии
(о книге М.С. Черкасовой)**

Рецензия на: Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив.
Вологда: Древности Севера, 2020. 256 с.

Антон Владимирович Всеволодов

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,

Vsevolodov12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>

Anton V. Vsevolodov

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,

Vsevolodov12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>

Аннотация. Рецензируемое исследование представляет собой первый опыт систематического изложения биографии крупнейшего вологодского купца XVII столетия Г.М. Фетиева, а также сводной публикации документальных материалов, связанных с его торговой и служебной деятельностью. Оно подводит итог почти двадцати лет работы автора – видного российского медиевиста, доктора исторических наук М.С. Черкасовой.

Ключевые слова: М.С. Черкасова, гость Г.М. Фетиев, биография, архив, реконструкция, столбцовое источниковедение

Для цитирования: Всеволодов А.В. Вологодский купец Г.М. Фетиев: опыт персональной археографии (о книге М.С. Черкасовой). Рецензия на: Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. Вологда: Древности Севера, 2020. 256 с. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 337–361. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-8>

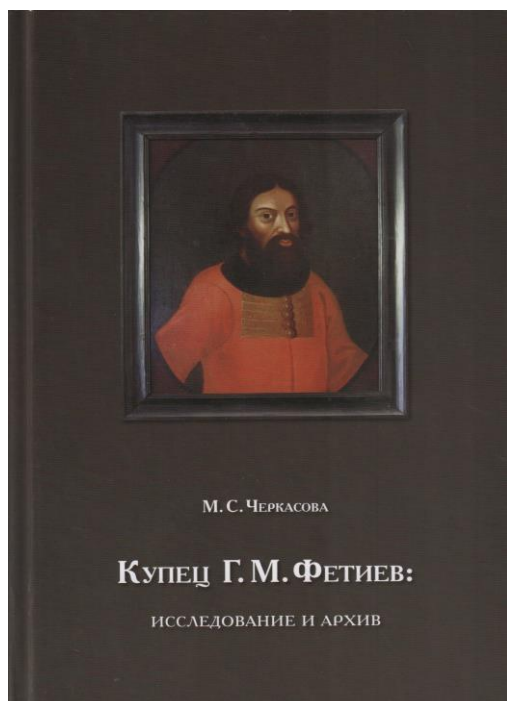
Vologda Merchant Gavriil (Gavrila) Fetiev: An Experiment of Personal Archaeography (About the Book by Marina Cherkasova)

Review of *Kupets G.M. Fetiev: issledovanie i arkhiv* [Merchant G.M. Fetiev: Research and Archive] by M.S. Cherkasova (Vologda: Drevnosti Severa, 2020)

Abstract. The study under review is the first attempt of a systematic presentation of Gavriil (Gavrila) Fetiev's biography, the largest Vologda merchant of the 17th century and a consolidated publication of documentary materials related to his trading and official activities. It summarizes almost twenty years of work of the author, Doctor of Historical Sciences, prominent Russian medievalist Marina S. Cherkasova.

Keywords: Marina S. Cherkasova, merchant G.M. Fetiev, biography, archive, reconstruction, re-enactment, study of scroll sources

For citation: Vsevolodov, A.V. "Vologda Merchant Gavriil (Gavrila) Fetiev: An Experiment of Personal Archaeography (About the Book by Marina Cherkasova)." Review of *Kupets G.M. Fetiev: issledovanie i arkhiv* [Merchant G.M. Fetiev: research and archive] by M.S. Cherkasova (Vologda: Drevnosti Severa, 2020). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 1 (2023): 337–61. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-8>

«Бунташный век» оставил России россыпь ярких характеров. Одни из них прекрасно известны, другие еще только предстоит открыть, третьи так и останутся в составе «безмолвствующего большинства». Есть, впрочем, и те, что принадлежат ко всем трем категориям сразу. Это люди переходного типа: уже обособившиеся от прежних социальных миров и замершие буквально в шаге от новых. Жизнь Гавриила (Гаврилы) Мартыновича Фетиева (ок. 1630–1683) представляет образец такой прерванной эволюции. Выходец из вологодского посада, ставший гостем; торговец, превратившийся в крупного земле- и душевладельца; «провинциал», вхожий в круг столичной боярской и приказной элиты, а еще

смутьян, обвиненный заодно с сыном в разбое, счастливо оправдавшийся фигурант дела о колдовстве, ктитор приходской церкви, без стеснения бравший в залог изготовленные для нее иконы...

Фигура Фетиева привлекала внимание многих историков, но до сих пор в монографическом охвате (а не в отдельных атрибутах) не изучалась. Недавняя

книга доктора исторических наук, профессора Вологодского государственного университета Марины Сергеевны Черкасовой, восполняя этот пробел, суммирует результаты изысканий автора и его предшественников¹. Употребляя слово «книга» в единственном числе, я не совсем точен, поскольку опус о Фетиеве невозможно рассматривать в отрыве от опубликованных чуть позже краеведческих очерков о региональных аспектах Петровских реформ². Вместе они образуют диалогию: второй труд начинается там, где первый был окончен, в нем личностная фокусировка повествования сменяется панорамной, а индивид в качестве «главного героя» уступает практикам, сообществам и институтам. Предметом же изучения в обоих случаях являются исторические изменения, знаменовавшие для России переход от позднего Средневековья к Новому времени, которое у нас «началось с Петровской эпохи, хотя многие предпосылки преобразований были налицо, накапливались, осуществлялись еще в XVII в.»³.

Предложенный М.С. Черкасовой абрис биографии Фетиева, помимо его конкретно-тематической важности, должен оцениваться как минимум в двух контекстах. Прежде всего, книга обогащает вологодскую археографическую традицию. Еще одно исследовательское поле, которому она принадлежит, создано неустанным, кропотливым трудом самой Марины Сергеевны. Ею в содружестве с учениками и коллегами только за последние десять лет введены в научный оборот крупные комплексы материалов по истории общественных отношений и базовых социальных институтов, церковной жизни, землевладения, хозяйства, управления и самоуправления на Русском Севере в XVI–XVIII вв.⁴ Рецензируемое издание продолжает этот славный ряд, но стоит в нем особняком. Возможно, теперь в региональной археографической практике наметился новый ракурс – персонально-антропологический, применительно к источникам допетровской эпохи. Антропологический подход, отмечает автор,

¹ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. Вологда: Древности Севера, 2020.

² Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда: Вологодский государственный университет, 2021.

³ Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). С. 4.

⁴ См. об этом подробнее: Камкин А.В., Черкасова М.С. Северному отделению Археографической комиссии – 50 лет // Вестник Вологодского государственного университета. 2017. № 4 (7). С. 19–30; Черкасова М.С. Научные достижения молодых ученых-историков // Вестник Вологодского государственного университета. 2018. № 2 (9). С. 81–83.

предполагает интерес к человеку – его месту в семье, профессиональной корпорации, обществе, в системе родственных и социальных связей (вертикальных и горизонтальных), индивидуальному и общественному сознанию. Немаловажным фактором такого обновления и расширения наших знаний о гостях становится обращение к «источникам личного происхождения» (переписке, духовным завещаниям), включение в анализ сфрагистического (в том числе и относящегося к Фетиеву) и художественного материала⁵.

Труды по археографии, исполненные в классической манере, оставляют рецензенту мало места для маневра в том, что не касается эдиционной методики и техники. Обозреваемая книга тоже попадает в разряд «для всех и ни для кого», но в лучшем из возможных смыслов, поскольку находится на полпути между документальным сборником и собственно историческим сочинением. Она лаконична: в ней многого не хватает, но нет и ничего лишнего. Две ее части, «Исследование» (с. 12–81) и «Архив» (с. 82–235), сопровождаются кратким списком литературы (с. 236–245) и вклейкой цветных иллюстраций (с. 249–256). Такой формат в научном творчестве Черкасовой давно апробирован⁶. Однако сейчас археография по отношению к биографии – всего лишь служанка-госпожа. Жанровая амбивалентность выражена уже в формулировке цели издания:

...обобщить разрозненные научно-археографические публикации и на более системном уровне представить его (Фетиева. – А. В.) архив вкупе с подробно реконструированной биографией⁷.

Защитой и оправданием компромисса в концепции работы служит прежде всего ее опорное понятие. «Архив» в данном случае – чисто исследовательский конструкт (с. 82), попытка свести воедино известные документы о жизни и деятельности вологодского гостя. Аналогично и «Исследование» (с. 23–81) не является строгим жизнеописанием: читателю предложена цепочка из десяти логически связанных, но, по большому счету, вполне самостоятельных этюдов, показывающих центральный персонаж от рождения в Ехаловых кузнецах до составления духовной осенью 1683 г. в Архангельске. Сходство природы обеих

⁵ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 16.

⁶ См.: К юбилею Марины Сергеевны Черкасовой // Вестник церковной истории. 2014. № 3–4 (35–36). С. 376–390.

⁷ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 19.

частей подчеркивается и тем, что их материалы ранее неоднократно публиковались⁸.

Не стоит, однако, упрекать книгу во вторичности. Концентрируя и дополняя ранние тексты Черкасовой, она по-своему противостоит наметившейся в последние годы тенденции к умножению «разовых» журнальных публикаций источников в ущерб корпусным. Это археографическое мелкотемье проявляется не столько в инфляции публикаторских площадок (которая как раз обусловлена объективными причинами), сколько в стремлении исследователей распределить вводимые в оборот документы мелкими «порциями» сразу по множеству изданий – без намерения когда-нибудь собрать их под одной обложкой. Погоня за наукометрическими достижениями порой приводит к произвольности отбора и искусственности вычленения источников из состава комплексов, которым они принадлежат, но главное – к «распылению» этих последних. К ситуации, когда из многих слагаемых не получается суммы, а формальная доступность вводимых в оборот документов на практике становится ненаходимостью.

Две части книги, на первый взгляд, самодостаточны и могут рассматриваться изолированно одна от другой. Мостом между ними служит история духовной Фетиева – документа чрезвычайно ценного не только в историко-источниковедческом плане, но и лингвистически, дошедшего до нас, к сожалению, лишь в списках. В «Исследовании» описываются обстоятельства составления духовной, состав наследства и круг его получателей (с. 64–81). В «Архиве» подробно рассмотрена история подлинника и текстологические особенности сохранившихся копий (с. 85–95). Духовная, по справедливому замечанию М.С. Черкасовой, – «несомненно, ГЛАВНЫЙ и бесспорный документ фетиевского архива»⁹. Этим определяется ее особая композиционная роль: по существу, она – и повествование, параллельное основному, и стержень всей книги. Смысловое доминирование духовной становится особенно заметно при анализе видового состава «Архива». Из 108 наименований документов в

⁸ Черкасова М.С. Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. Москва: Центрполиграф, 2017. С. 148–183. Также см.: Отпись Вл. Иванова Г.М. Фетиеву и С.Л. Белоусову в получении от них 320 руб. долга // Торговые иноземцы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII века: сборник документов и материалов / составитель М.С. Черкасова. Вологда: Киселев А.В., 2019. С. 23–25; Купчая Т.А. Келдермана Г.М. Фетиеву на варницу в Тотьме // Торговые иноземцы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII века. С. 28–30; *Малинина Н.Н., Черкасова М.С.* Торговые люди и Православная Церковь в XVII в. (по архиву вологодского гостя Г.М. Фетиева) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 4 (16). С. 84–152. Список авторских публикаций по теме см. на с. 244–245 рецензируемой книги.

⁹ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 85.

нем большинство – челобитные, купчие и памяти. Кроме того, в подборку включены деловая переписка, заемные и закладные записи, выписки из переписных книг, грамот, приказных дел, царских указов и др. В столь типичном для своего времени окружении¹⁰ завещание – акт результирующий: оно подводит итог биографии героя и в событийно-фактическом, и в источниковом измерениях. А факт того, что Фетиев зафиксировал свою последнюю волю менее чем за месяц до смерти, дополнительно акцентирует ее «финальность».

Принцип компоновки «Архива» – хронологический: самые ранние приводимые данные (из записной книги актов Владимирской церкви Вологды) относятся к 1626/1627 гг.; самый поздний документ датирован январем 1687 г. (указная грамота патриарха Иоакима в Спасо-Прилуцкий монастырь). Вообще же к периоду *post mortem* относятся десять документов, связанных главным образом с судьбой фетиевского наследства (челобитные, указные грамоты, розыскные дела, подтверждающая запись на духовной). Технически спорным можно счесть введение в состав «Архива» надписи на потире, вложенном Фетиевым во Владимирскую церковь (№ 61, с. 154), и надписи на колоколе, отлитом в Любеке на средства гостя и на помин его души (№ 106, с. 233–234). Однако с учетом комплексно-источниковедческой и антропологической ориентированности книги это логично.

Каждый документ в перечне сопровождается легендой с указанием поисковых данных, особенностей состава и сохранности, указанием филигранных, известных публикаций и упоминаний в литературе, подробным подстрочным комментарием и примечаниями. Для пятнадцати документов тексты не приводятся, они представлены только заголовками, в одном случае – выдержкой с упоминанием Фетиева и легендой. Опускание мотивировано тем, что эти источники, по большей части, недавно опубликованы, а значит, воспроизводить их повторно нет необходимости¹¹. Подобная аргументация представляется неосновательной, хотя в другом месте автор и отмечает, что ее подборка в принципе не претендует на исчерпывающую полноту¹². Но если воспроизведение следственного дела Фетиева из собрания РГАДА нецелесообразно уже только в силу его объема¹³, то для названных материалов отсылочное их указание вряд ли полностью оправдано (довод о времени издания при желании можно обратиться и на предшествующие труды автора). Существенным недостатком, несмотря на камерно-личностный характер и, по-

¹⁰ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 83.

¹¹ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 82.

¹² Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 84.

¹³ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 84.

видимому, изначально ограниченный объем исследования, является отсутствие предметно-именного указателя. Он позволил бы не только облегчить пользование книгой, но и показать систему социальных контактов Фетиева (простиравшихся в диапазоне от боярина до дворового человека), тем самым реализовав базовую методологическую установку работы.

Главная ценность подхода Черкасовой как археографа и как историка (если позволительно противопоставлять эти амплуа) – даже не в охвате сохранившихся документальных свидетельств, а в желании посмотреть на героя характерологически. Показать его рельефно и в объеме, а не на плоскости, как бы сильно ни препятствовали этому источники. Преодолеть их информационное и стилистическое сопротивление полностью невозможно: Фетиев был неграмотен и оставался целиком погружен в устную культуру. Вся письменная рефлексия о нем принадлежит другим людям и всегда особым образом окрашена; призмой, через которую он виден нам, служат или конфликт, или служба, или то и другое вместе, или сугубо деловые отношения гостя с кем-либо. Это, конечно, типологическая, не индивидуальная черта: в среде русского купечества привычка к рефлексивному письму вообще закрепилась очень поздно¹⁴. Потому, увы, сравнивать именитого вологжанина с его младшей современницей вдовой Гликль (еврейкой из Гамбурга, долгие годы посвятившей коммерции, а заодно написавшей автобиографию¹⁵) не приходится даже в теории.

Критическая зависимость от чужого слова, к тому же опосредованного формуляром и спецификой исходной ситуации, наделяет даже крохотную источниковую деталь гораздо большим аналитическим значением, чем если бы речь шла о человеке XVIII или XIX столетия. Сколь много в такой ситуации могут дать исследователю самые тривиальные сведения, показывает разбор содержания духовной, проведенный на с. 68–70. Содержание, по мнению публикатора,

не может не поражать объемом и емкостью его (Фетиева. – А. В.) памяти, вобравшей опыт взаимодействия с разными людьми на протяжении многих лет, всё богатство его жизненных практик¹⁶.

¹⁴ См. об этом: *Ransel D.L. The Diary of a Merchant: Insights into Eighteenth Century Plebeian Life // Russian Review. 2004. Vol. 63, iss. 4. P. 594–608.*

¹⁵ *Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / перевод с английского Т. Доброницкой. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. С. 11–78.*

¹⁶ *Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 68.*

Способный запомнить имена, прозвища, происхождение, семейный статус, приметы почти двух сотен людей, масть, породу, возраст и даже родословную своих многочисленных лошадей, купец не удостаивает именованию духовных лиц, в том числе архиепископа. Объяснять ли данное умолчание, как это делает М.С. Черкасова, следствием избирательности памяти либо проявлением оригинального этикета, в котором имена – исключительно мирская «принадлежность», не ясно. Однако то, что Фетиев, помимо обязательной купеческой расчетливости, обладал незаурядным подвижным умом, хорошо видно по его духовной.

Гаврила Мартынович умел накапливать разнообразную информацию и пользоваться ею, обладал «деловой сноровкой, чувством времени и умением им дорожить»¹⁷. Память, можно думать, заменяла ему и абак, и бухгалтерскую книгу – раз уж навыками деловой переписки, обязательными для его западноевропейского собрата¹⁸, он не владел. Так, своих холопов и их семьи он помнил не просто по именам, местам проживания, занятиям, но и по бывшим их хозяевам. Не менее строго фиксировалась в его сознании и история поземельных сделок, включая принадлежность участков (см. с. 69–70).

Дважды (с. 29, 71–78) поднимается в книге принципиальная проблема наличия предпринимательских элементов в деятельности Фетиева. На каждой стадии жизни – от «Ганки» и «Гаврилы» к «Гавриле Мартыновичу» – прослеживается его стремление не только к последовательному приумножению, но и к видовой и структурной диверсификации богатства. По мере приближения к статусу гостя оно только усиливается: Фетиев из очень успешного торговца быстро превращается в вотчинника, причем наряду с покупкой в наращивании его земельных активов немалую роль играют долговые обязательства (с. 74). Замечу, что воссоздание картины землевладельческих операций купца (как, ранее, и его генеалогии) проведено М.С. Черкасовой впервые. Заслуживает внимания и тезис о возможной нацеленности Фетиева на организацию «товарно-ориентированного животноводства» в своих землях (с. 74). Не доказуемый до конца, он позволяет оценить сущность всех усилий героя именно как предпринимательскую, то есть несущую в себе признаки инновационности, а не связанную сугубо с «рыночной сферой» и «извлечением прибыли».

Понятие «инновация», использованное по отношению к человеку допетровского времени – грубый анахронизм, но все же попробуем поставить

¹⁷ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 44.

¹⁸ См.: Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. Санкт-Петербург: Alexandria, 2009. С. 180–181.

вопрос таким образом: в чем заключается инновационность фетиевских действий и образа мыслей? И есть ли она?

Биографическая траектория Гаврилы Мартыновича пролегает ровно между неизбежными для его социального круга нравственными полюсами – наживой и спасением (так удачно они были обозначены еще в очерке 2017 года¹⁹). В главном деле наш северный Шейлок «всеяден» до неразборчивости: приобретает дворы, лавки и квасницы, огороды, порозжие места, соляные варницы, покупает и перепродает соль, лес, вино, берет казенные подряды, конечно – много и многим дает в долг, чем потом умело манипулирует. Наживает богатство Фетиев неистово и физически разнообразно: «словом бещестит и матерью лаёт и бьет и бороды дерет», «а с ково денег взять нечево, и он, Гаврило, велить грабежем грабити» (№ 33, с. 132), «в городе на Вологде ходит скопом и заговором, человек по пятидесят и болши з дубинами и с ножами болшими, и с кистенями» (№ 34, с. 134), «и с палкою по таможене ходил...» (№ 31, с. 130).

Произвол, открытое пренебрежение законом сопутствуют периоду первоначального накопления капитала, где бы оно ни происходило, но описанные эксцессы замечательны по индивидуально-психологическим причинам. Что бы их ни вызвало: банальная разнузданность, эмоциональная неустойчивость или же патологическая склонность к насилию – отчасти и поведение обидчика, и жалобы на него от пострадавших укладываются в рамки поведенческой схемы. Н.Ш. Коллманн показала, что в 1670–1690-х гг. резко возросло количество судебных дел о бесчестье, причем в каждом третьем из учтенных случаев устное оскорбление как повод для разбирательства было сопряжено с физическим действием. Этот всплеск тяжелой активности трактуется как следствие происходивших тогда в России «значительных социальных изменений»²⁰. В фетиевской агрессии можно, при желании, обнаружить какие-то их симптомы. Герою Черкасовой в соционормативной системе своей эпохи сразу и вольготно, и тесно, на что указывает часто встречающийся у него поведенческий дуализм. Будучи таможенным головой, он буквально выбивает деньги из плательщиков, но как торговец – всячески старается обмануть казну. Притесняя и обирая других, он, конечно, и сам красочно жалуется на притеснения (ср. № 74, с. 166: «и он вор, Кирюшка, за нож ухватясь хвалился на меня, а говорил: вот-де, на вас на всех у меня жегуль!»).

¹⁹ Черкасова М.С. Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. С. 148.

²⁰ Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени / перевод с английского А.Б. Каменского. Москва: Древлехранилище, 2001. С. 85–86.

Причудливое соединение в Гавриле Мартыновиче дебошира и скопидома заставляет предположить, что он, даже имея возможность, вряд ли оставил бы поучение детям об искушениях и опасностях богатства. Фраза вдовы Гликль «Кто знает, хорошо ли жить в роскоши... и проводить отпущенный нам недолгий срок в сплошных удовольствиях?»²¹ в устах вологодского негодяя не представляема, по крайней мере, в годы его расцвета. К роскоши он стремился осознанно – и на закате дней стал обладателем «оглушительного» состояния, изолировавшего его не только от посадской среды, но и от всей Вологды.

Такой бытовой уклад, все эти зеркала и стулья, шпаги и сабли, «карлы» в доме и многочисленная дворня, серебряные подсвечники и удобные экипажи, заморские попугаи и «конарейки», немецкие лошади и индийские утки, яблоневый сад и прочее сближает городскую усадьбу неграмотного Фетиева с дворянским укладом жизни в столице, причем не столько XVII, сколько XVIII в.,

– полагает М.С. Черкасова²². На грубость, самоуправство и вызывающую пышность быта купца вологжане отзывались вполне предсказуемо. В их далеко не беспристрастном изображении, он «всем городом ... завладел», а «родные братья от него отбегают, потому что он, Ганка, человек гордой»²³. Показательно, что эти обвинения (а больше зарисовки с натуры) фигурируют в материалах следствия в Сыском приказе по делу о колдовстве и заговорных письмах²⁴. Собственно, и главное обвинение – в том, что «Ганка Фетиев чёрные книги знает» – озвучил его земляк Ф. Иванов (с. 58).

Гордость, пусть с изрядной примесью самодурства, – определяющая черта духовного облика Фетиева. Перед нами именно личная гордость, внешне имеющая мало общего с породившей ее социальностью и в итоге порывающая с ней даже пространственно: «прежде он был вологжанин, а ныне он – гость». Гаврила Мартынович действительно был весьма сосредоточен на себе, что лучше всего доказывает его портрет (предусмотрительно помещенный на обложку рецензируемой книги). Однако данная сосредоточенность – уже не

²¹ Цит. по: Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. С. 48.

²² Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 54. Читатель может и сам провести такое сравнение с помощью следующего издания: Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). Москва: Кучково поле, 2011.

²³ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 28, 50.

²⁴ Подробнее о следственной процедуре по таким делам см.: Кивельсон В. Магия отчаяния: моральная экономика колдовства в России XVII века / перевод с английского В. Петрова. Санкт-Петербург: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2020. С. 76–98.

столько торжествующее самодовольство нувориша, сколько специфическая «оконтуренность» частного Я на фоне века. По степени зрелости она, вероятно, близка к самосознанию²⁵, но еще не перерастает в полностью автономную от группы идентичность. Не приходится сомневаться, что смена территориальной самоидентификации (*вологжанин*) на социопрофессиональную (*гость*) произошла у Фетиева довольно быстро. Высший для торгового человека чин, как считает М.С. Черкасова, он получил к середине 1670-х гг. и к 1676 г. уже привыкал именоваться по-новому (с. 38–40, 59–60). Чего же в этом было больше – показной удовлетворенности от взятия очередной жизненной планки либо искреннего самоощущения – определить сложно.

Сколь бы много ни значил для Гаврилы Мартыновича собственный или чужой статус, личные отношения и проверенные старые связи он ставил выше, по крайней мере, иногда. Не случайно бывшего делового партнера и возможного свойственника С. Белоусова, в монастыре Сергия, негоциант выбрал одним из своих духовников и душеприказчиков (№ 95, с. 182, 193; также см. с. 30, 38, 43, 79–80). Шаг этот точно просчитанный, но и человеческий: в нем уравниваются расчет и чувства. Будто подчиняясь им, Фетиев оказался необычайно щедр в предсмертном распоряжении имуществом. Он одарил огромное количество людей, от холмогорского архиепископа до вологодских нищих и тюремных сидельцев. Преувеличенная нормативность этих действий открывает таящийся за чином и внешним блеском вздорный нрав прежнего «Ганки», оттененный стихийным прагматизмом. Завещав построить в приходе покровительствуемой им Владимирской церкви Вологды новый каменный храм, Фетиев указал, чтобы колокольня последнего была сооружена по образцу соборной, словно из соперничества с архиерейским домом (с. 77).

Согласимся с выводом автора, что

денежное и имущественное богатство Фетиева, обусловившее его быстрый взлёт, повышенную социальную мобильность на протяжении недолгой жизни, вскоре после смерти оказалось утилизированным, в чем несомненную роль сыграли религиозные установки сознания, собственное

²⁵ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 41. Позволю себе добавить еще одно, поверхностное, наблюдение. Акцентированность на собственном Я для Фетиева косвенно подтверждается тем, как смешиваются в его переписке деловое и личное. Например, документы «Архива» № 37 (память архимандриту Спасо-Прилуцкого монастыря Исаяе, датируемая предположительно 1672 г., с. 138) и № 70 (письмо ему же 1678/1679 гг., с. 162) во всем, кроме видового определения, неотличимы. Даже если это сходство – единичное явление или оплошность, ничего общего не имеющая с естественной конвергенцией источников, оно весьма красноречиво.

понимание сравнительной ценности накопленного преимущественно неправедным путём богатства и вечности поминовения во имя искупления грехов и спасения души²⁶.

Эта актуализация мотивов личного спасения, с одной стороны, понятна. С другой стороны, слишком резок контраст между манерой повседневного поведения гостя и его внезапным запоздалым благочестием. Щепетильность в исполнении последнего христианского долга наводит на мысль о том, что здесь Фетиев отнюдь не следует традиционному сценарию, а меряет обычай собственной меркой. Не отсюда ли громадные масштабы его раздач? Если так, то очевидно, что в рассматриваемом персональном варианте традиция подходит к пределу, за которым с неизбежностью выхолащивается.

Считая, что Фетиев все-таки не переступил рубеж ментального Средневековья, раз его богатство пропало втуне, учтем одно важное обстоятельство. Успехи Гаврилы Мартыновича оказались, в сущности, бесцельными во многом из-за отсутствия у него мужского потомства. Единственный известный нам сын купца Евдоким умер молодым еще в 1660-е гг. (с. 78, 80). Проживи Фетиев дольше, сумей основать династию – рисунок его завещательного поведения наверняка оказался бы иным и по содержанию, и по источниковым проявлениям стоящей за ним этики²⁷.

Прерванное кончиной деловое и социальное развитие Фетиева лишний раз подтверждает правоту А.Я. Гуревича, писавшего, что

ни род, ни клан, ... ни жесткие кодексы поведения сословий не поглощали индивида в социально-психологическом отношении настолько, чтобы он не был в состоянии обрести собственную идентичность²⁸.

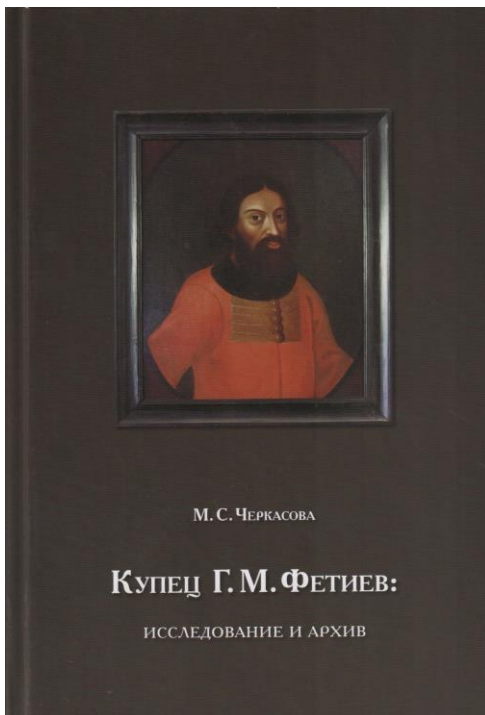
Нужно поблагодарить Марину Сергеевну Черкасову за прекрасный повод и материал к размышлению об этом.

²⁶ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. С. 78.

²⁷ О том, как выстраивались практики наследования в семьях с уже четко определившимся «предпринимательским профилем» на этапе формирования династии, см. подробнее: Юркин И.Н. Демидовы на пути к промышленной династии: стратегии обеспечения преемственности семейного дела // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 81–90.

²⁸ Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. С. 426.

Buntashnyi vek [rebellious century], the 17th century in Russia, left behind a scattering of bright characters. Some of them are well known, some yet wait to be discovered, and others will remain part of the silent majority. However, there are those who belong to all three categories at once. These are the people of a transitional type: they are already isolated from the former social worlds and frozen literally one step away from the new ones. The life of Gavriil (Gavrila) Martynovich Fetiev (circa 1630–83) is an example of such interrupted evolution. A native of the Vologda Posad, who became a merchant; the merchant who turned into a large landlord and serf owner; a “provincial” who was well received by the metropolitan boyar and office elite; and also a

troublemaker who was accused of robbery together with his son; a person involved in a case of witchcraft but happily acquitted; a warden of a parish church, who took as a pledge the icons made for the church with no sign of shame. . .

The figure of Fetiev has attracted the attention of many historians, but he has not been studied in a monographic scope (but not in the scope of his individual attributes) so far. A recent book by Marina S. Cherkasova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Vologda State University, fills in this gap and summarizes the results of the research conducted by the author and her predecessors.¹ Using the word “book” in the singular, I am not entirely accurate, since the opus about Fetiev cannot be considered in isolation from the local history essays on the regional aspects of Petrine reforms that were published a little later.² Together they form a dilogy: the second work begins where the first ended and the focus of the narrative on the person shifts to the panorama and the individual as the protagonist of the narrative gives way to practices, communities, and institutions. The subject of study in both cases is the historical changes that marked the transition from the late Middle Ages to the Modern Era, which in Russia “began with the Petrine Era, although

¹ M.S. Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev: Research and Archive* [in Russian] (Vologda: Drevnosti Severa, 2020).

² M.S. Cherkasova, *Vologda and Ustyug in the Era of Peter the Great (Local History Essays)* [in Russian] (Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2021).

many prerequisites for transformations were evident; they accumulated and were implemented as early as the 17th century.”³

In addition to its specifically thematic importance, the outline of Fetiev’s biography made by M. Cherkasova should be evaluated at least in two more contexts. First of all, the book enriches the Vologda archaeographic tradition. Another research field, to which it belongs, was created by the relentless and patient work of Marina Cherkasova herself. In collaboration with her students and colleagues, only in the last ten years she has introduced into scientific circulation large complexes of materials on the history of social relations and basic social institutions, church life, land ownership, economy, administration and self-government in the Russian North in the 16th – 18th centuries.⁴ The publication under review continues this glorious series, but stands out in it. Perhaps now a new perspective has been outlined in regional archaeographic practice. It is a personal anthropological perspective as applied to the sources of the pre-Petrine era. The author points out that

The anthropological approach implies an interest in a person, his place in the family, professional corporation, society, the system of family and social ties (vertical and horizontal ones), individual and social consciousness. An important factor in such renewal and expansion of our knowledge about merchants is the study of “sources of personal origin” (correspondence, spiritual testaments) and inclusion in the analysis of sphragistic (including the materials related to Fetiev) and literary material.⁵

Classical works on archaeography leave the reviewer little room for maneuver in what is not related to the editorial methodology and technique. The book under review also falls into the “for everyone and for no one” category, but in the best possible sense, since it is halfway between a collection of documents and a historical work. It is concise: it lacks a lot, but there is nothing excessive either. Its two parts, “Research” (pp. 12–81) and “Archive” (pp. 82–235), are complemented with a short bibliography (pp. 236–45) and an insert of color illustrations (pp. 249–56).

³ Cherkasova, *Vologda and Ustyug*, 4.

⁴ For more details, see A.V. Kamkin, and M.S. Cherkasova, “The Northern Branch of the Archeographic Commission Celebrates Its 50th Anniversary” [in Russian], *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (7) (2017): 19–30; M.S. Cherkasova, “Scientific Achievements of Young Historians” [in Russian], *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (9) (2018): 81–83.

⁵ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 16.

M. Cherkasova tested this format in her scientific work long ago.⁶ However, in relation to biography, archaeography is just “the maid turned mistress” nowadays. Genre ambivalence is already expressed in the formulation of the purpose of the publication:

... to summarize fragmented scientific and archaeological publications and present his [Fetiev’s – A. V.] archive together with a detailed reconstructed biography at a more systematic level.⁷

The basic notion of the work serves to defend and justify the compromise in its concept in the first place. The “Archive” in this instance is a purely research construct (p. 82), an attempt to bring together known documents about the life and work of the Vologda merchant. Similarly, the “Research” (pp. 23–81) is not a biography in its strict sense: the reader is offered a chain of ten logically connected but actually completely independent sketches that describe the main character’s life from his birth in Ekhalovy Kuznetsy till autumn 1683 when he made a will and testament in Arkhangelsk. Similarity in the nature of both parts is also emphasized by the fact that the material they contain have been published more than once.⁸

However, one should not blame the book for being secondary. By concentrating and supplementing Cherkasova’s earlier texts, the book in its own way counters the trend that has emerged in recent years: multiplication of one-time journal publications of sources to the detriment of corpus publications. This archaeological concentration on narrow subjects manifests itself not so much in the inflation of publishing platforms (which is caused by the objective reasons) as in the desire of researchers to distribute the documents introduced into circulation in small “portions” for several publications without ever intending to collect them under a

⁶ See “To Marina S. Cherkasova’s Anniversary” [in Russian], *Vestnik tserkovnoi istorii*, no. 3–4 (2014): 376–90.

⁷ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 19.

⁸ M.S. Cherkasova, *Northern Russia: History of the Harsh Land in the 13th–17th Centuries* [in Russian] (Moscow: Tsentrpoligraf, 2017), 148–83. See also “The Acknowledgement by Vl. Ivanov to G.M. Fetiev and S.L. Belousov in Receiving from Them 320 Rubles of Debt” [in Russian], in M.S. Cherkasova, comp., *Merchant Foreigners in Vologda in the 17th – First Quarter of the 18th Century: Collected Documents and Materials* (Vologda: Kiselev A.V., 2019), 23–25; “Deed of Purchase of the Saltworks in Totma Issued by T.A. Kelderman to G.M. Fetiev” [in Russian], in Cherkasova, *Merchant Foreigners*, 28–30; N.N. Malinina, and M.S. Cherkasova, “The People of Commerce and the Orthodox Church in the 17th Century (on the Basis of a Vologda Merchant G.M. Fetiev’s Archive)” [in Russian], *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, no. 4 (16) (2016): 84–152. See a list of the author’s publications on the topic on pp. 244–45 of the book under review.

single book-cover. The pursuit of scientometric achievements sometimes leads to arbitrariness in the selection and artificiality of isolating sources from the complexes to which they belong, but most importantly, it leads to the "scattering" of the latter. It is the situation when the sum cannot be obtained from many addends and the formal availability of the documents that are introduced into scholarly circulation makes them hardly possible to find.

The two parts of the book, at first glance, are self-sufficient and can be considered in isolation from one another. What gaps the bridge between them is the history of Fetiev's testament – an extremely valuable document not only in terms of historical source studies but also linguistically. Unfortunately, only its copies survived. The "Research" describes the circumstances of the testament preparation, the property to be inherited and the circle of its recipients (pp. 64–81). The "Archive" examines in detail the history of the original and the textological features of the extant copies (pp. 85–95). According to the neat remark of M. Cherkasova, the testament is "undoubtedly, the MAIN and indisputable document of the Fetiev's archive."⁹ This determines its special compositional role: in essence, it is both a narrative parallel to the main one and the core of the entire book. The semantic dominance of the testament becomes especially noticeable when analyzing the composition of the "Archive" in terms of the type of documents it contains. Of the 108 documents, most are petitions, deeds of purchase, and instructions. In addition, the selection includes business correspondence, loan and mortgage records, extracts from census books, letters, orders, royal decrees, etc. In an environment so typical of its time,¹⁰ a testament is a resultant act: it sums up the hero's biography in the dimensions of actual events and of historical sources. And the fact that Fetiev registered his last will less than a month before his death further emphasizes its "finality."

The layout principle of the "Archive" is chronological: the earliest cited data (from the vestry book of the Vladimir Church of Vologda) refer to 1626/1627; the latest document is dated January 1687 (instruction of Patriarch Joachim to the Spaso-Prilutsky Monastery). In general, ten documents belong to the *post mortem* period. They are mainly related to the fate of the Fetiev's inheritance (petitions, instructions, search files, a certifying inscription on the testament). The inclusion into the "Archive" of two items can be technically considered disputable. They are the inscription on the chalice, invested by Fetiev in the Vladimir Church (no. 61, p. 154), and the inscription on the bell, cast in Lübeck at the expense of the merchant and for the commemoration of his soul (no. 106, p. 233–34). However, taking into account the complex source study and anthropological orientation of the book, this is logical.

⁹ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 85.

¹⁰ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 83.

Each document in the list is accompanied by a legend indicating search data, features of composition and preservation, indication of watermarks, known publications and references in literature, detailed commentary in the footnotes, and notes. For fifteen documents, the texts are not cited. They are represented only by the headings (an excerpt mentioning Fetiev in one instance) and a legend. The omission is justified by the fact that these sources are mostly recently published, which means that there is no need to reproduce them again.¹¹ Such an argument seems unfounded, although elsewhere the author notes that in principle, her selection does not claim to be exhaustive and complete.¹² While the reproduction of Fetiev's investigative file from the RGADA's collection is impractical because of its length,¹³ the inclusion of the abovementioned materials only in the referential form can hardly be fully justified (the argument about the time of publication can also be applied to the previous works of the author). Despite the chamber-personal nature and, apparently, the initially limited scope of the study, the lack of an index and an index of names is a significant disadvantage. It would make it possible not only to facilitate the use of the book but also to show Fetiev's range of social contacts (stretching from boyars to house-serfs) and thereby to implement the basic methodological approach of the work.

The main value of Cherkasova's approach as an archaeographer and as a historian (if one may oppose these roles) is not the scope of the surviving documentary evidence but the desire to look at the hero in a characterological way, to show him in relief and in volume rather than on a plane, no matter how strongly the sources prevent this. It is impossible to overcome their informational and stylistic resistance completely: Fetiev was illiterate and remained completely immersed in oral culture. All written reflections on him belong to other people and are always colored in a special way; the prism through which we can see him is either a conflict or service or both, or a purely business relations of the merchant with someone. This is, of course, a typological rather than an individual trait: among Russian merchants, the habit of reflective writing was established quite late.¹⁴ Therefore, alas, it is impossible even in theory to compare the eminent Vologda resident with his younger contemporary,

¹¹ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 82.

¹² Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 84.

¹³ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 84.

¹⁴ On this, see D.L. Ransel, "The Diary of a Merchant: Insights into Eighteenth Century Plebeian Life," *Russian Review*, vol. 63, is. 4 (2004): 594–608.

widow Glikl of Hamelin (a Jew from Hamburg who devoted many years to commerce and at the same time wrote her autobiography¹⁵).

Critical dependence on someone else's word, mediated by the formulary and the specifics of the initial situation, endows even a tiny detail in the sources with much greater analytical significance than if it involved a person of the 18th or 19th century. How much the most trivial information can give the researcher in such a situation is shown by the analysis of the testament on pp. 68–70. According to the publisher,

It cannot but amaze with the volume and capacity of his [Fetiev's – A. V.] memory, which absorbed the experience of interacting with different people over the years, all the richness of his life practices.¹⁶

Being able to remember the names, nicknames, origins, marital status, distinctive features of almost two hundred people, the color, breed, age, and even pedigree of his many horses, the merchant did not honor clergymen including the archbishop with mentioning their names. It is not clear whether this omission should be interpreted as a consequence of the selectivity of memory as M. Cherkasova does or as a manifestation of the original etiquette, according to which names were an exclusively secular attribute. However, his testament clearly shows that Fetiev possessed an outstanding mobile mind in addition to the obligatory merchant prudence.

Gavrila M. Fetiev was able to accumulate information and use it, possessed "business skills, a sense of time, and the ability to cherish it."¹⁷ One might think that his memory replaced both the abacus and the account book, since he did not possess the skills of business correspondence that were mandatory for his Western European counterpart.¹⁸ For instance, he remembered his serfs and their families not only by their names, places of residence, and occupations, but also by their former owners. No less strictly did his mind record the history of land transactions, including the ownership of plots of land (see pp. 69–70).

The book raises the fundamental problem of the presence of entrepreneurial elements in Fetiev's activities twice (p. 29, pp. 71–78). At each stage of his life – from Ganka and Gavriila to Gavriila Martynovich – one can trace his desire not only for consistent increase but also for diversification of his wealth. As we approached

¹⁵ N.Z. Davis, *Women on the Margins. Three Seventeenth-Century Lives* [in Russian], trans. T. Dobronitskaya (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999), 11–78.

¹⁶ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 68.

¹⁷ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 44.

¹⁸ See A.Ya. Gurevich, *The Individual and Society in the Medieval West* [in Russian] (St Petersburg: Alexandria, 2009), 180–81.

the status of a merchant, it became even stronger: Fetiev quickly turned from a very successful merchant into a great landowner, and together with purchases, debt obligations played a significant role in building up his land assets (p. 74). Let me point out that the reconstruction of the merchant's landowning operations (and his genealogy earlier) was carried out by M. Cherkasova for the first time. The thesis about Fetiev's possible focus on the organization of "product-centric cattle breeding" in his lands also deserves attention (p. 74). Not completely provable, it allows us to qualify the essence of all the efforts of the hero as entrepreneurial, that is, bearing signs of innovation and not purely related to the market sphere and profit making.

The concept of innovation used in relation to a person of pre-Petrine time is an anachronism, but nevertheless let us try to put the question this way: what is the innovativeness of Fetiev's actions and way of thinking? And did it exist?

Gavrila M. Fetiev's biographical trajectory lies exactly between the inevitable moral poles of his social circle: profit and salvation (they were so well indicated in the essay of 2017¹⁹). In the main business, our northern Shylock was "omnivorous" to the point of indiscrimination: he acquired homesteads, shops and kvass brewers, vegetable gardens, unoccupied lands and saltworks, he bought and resold salt, timber, and wine, took government contracts, and, of course, he lent money to many people, which he skillfully manipulated later. Fetiev accumulated his wealth furiously and in diverse physical ways: "he insults, and swears, and beats, and pulls beards," "those who have no money to take from them, he, Gavriilo, orders to rob" (no. 33, p. 132), "he conspires and walks through the city of Vologda with the gang of fifty men and more, with clubs, and large knives, and flails" (no. 34, p. 134), "and he went through the customs with a stick. . ." (no. 31, p. 130).

Arbitrariness and open disregard for the law accompanied the period of initial capital accumulation; wherever it occurred, the excesses described are remarkable for individual psychological reasons. Whatever caused them – ordinary wickedness, emotional instability, or a pathological tendency to violence – both the offender's behavior and complaints from the victims partly fit into the framework of the behavioral pattern. N. Kollmann showed that in the 1670s–90s, the number of court cases of dishonor increased sharply and in every third recorded case, verbal insult as a reason for the proceedings was associated with physical action. This surge in litigation is interpreted as a consequence of the "significant social changes"²⁰ that were taking place in Russia at that time. If desired, one can detect some of their symptoms in Fetiev's aggression. The hero of Cherkasova's narrative feels both at

¹⁹ Cherkasova, *Northern Russia: History of the Harsh Land*, 148.

²⁰ N.Sh. Kollmann, *By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia* [in Russian], trans. A.B. Kamenskii (Moscow: Drevlekhranilishche, 2001), 85–86.

ease and cramped in the socio-normative system of his era, which is indicated by the behavioral dualism that he often revealed. As the head of the customs, he literally beat payers out of money, but as a merchant, he tried to deceive the treasury in every possible way. While oppressing and robbing others, he colorfully complained about being oppressed (cf. no. 74, p. 166, "and he, a criminal, Kiryushka, grabbed a knife and said, 'Look, I have a pike for on all of you!'").

The bizarre combination of a troublemaker and a hoarder in Gavrila Fetiev makes us to assume that even if he had had such an opportunity, he would hardly have left his children a hortation about the temptations and dangers of wealth. It is hardly possible to imagine the Vologda merchant, at least in the prime of his life asking the question that widow Glikl asked whether it was good to live in luxury. . . and spend the short time given to us in continuous pleasures.²¹ He consciously strove for luxury and at the end of his days he became the owner of "stunning" wealth, which isolated him not only from the posad environment but also from the entire Vologda. Marina Cherkasova believes that

Such a way of life, all those mirrors and chairs, swords and sabers, "dwarfs" in the house and numerous house-serfs, silver candlesticks and comfortable carriages, overseas parrots and canaries, German horses and Indian ducks, an apple orchard and the like bring together the city estate of illiterate Fetiev with the way of life of the nobility in the capital, and not so much in the 17th as in the 18th century.²²

Vologda residents responded quite predictably to the rudeness, arbitrariness, and provocative splendor of the merchant's life. In their not unprejudiced portrayal, he "took over the whole city. . ." and "his brothers run away from him, because he, Ganka, is a proud man."²³ It is significant that these accusations (or rather sketches from life) appear in the records of the Prikaz of Investigations in the case of witchcraft and conspiracy letters.²⁴ Actually, the main accusation that "Ganka Fetiev knows black books" was voiced by his countryman F. Ivanov (p. 58).

²¹ Cited in Davis, *Women on the Margins*, 48.

²² Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 54. The readers can make such a comparison themselves with the help of the following publication: Yu.A. Tikhonov, *The World of Things in Moscow and St Petersburg Houses of High-Ranking Nobles (According to New Sources of the First Half of the 18th Century)* [in Russian] (Moscow: Kuchkovo pole, 2011).

²³ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 28, 50.

²⁴ For more on the investigative procedure in such cases, see V. Kivel'son, *Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia* [in Russian], trans. V. Petrov (St Petersburg: Academic Studies Press; BiblioRossika, 2020), 76–98.

Pride, albeit with a fair amount of tyranny, is a defining feature of Fetiev's spiritual appearance. It is personal pride, which, on the outside, had very little in common with the sociality that gave birth to it and, as a result, was separated from it even spatially: "He used to be a Vologda resident but now he is a merchant." Gavriila M. Fetiev was really focused on himself, which is proved best of all by his portrait (farsightedly placed on the cover of the book under review). However, this self-centeredness was not so much the triumphant complacency of the nouveau riche as a specific outline of an individual ego against the background of the century. In terms of maturity, it was probably close to self-awareness,²⁵ but had not developed into a completely autonomous identity in the group. There is no doubt that the change in Fetiev's self-identification – from territorial (Vologda resident) into socio-professional (merchant) – occurred quite quickly. According to M. Cherkasova, he had obtained the highest rank for a businessman by the mid-1670s, and by 1676 he had been getting used to being called in a new way (pp. 38–40, 59–60). It is difficult to determine what prevailed in him – ostentatious satisfaction from taking another hurdle in life or sincere self-awareness.

No matter how much his own or someone else's status meant to Gavriila M. Fetiev, he put personal relationships and time-tested connections higher, at least at times. It is no coincidence that the former business partner and possible relative by marriage S. Belousov, in monasticism Sergius, was chosen by the merchant as one of his confessors and will executors (no. 95, pp. 182, 193; see also pp. 30, 38, 43, 79–80). This step was precisely calculated but also human: calculation and feelings were balanced in it. As if obeying them, Fetiev turned out to be unusually generous in his near-death disposal of property. He gave gifts to a huge number of people, from the Kholmogory archbishop to the Vologda beggars and prisoners. The exaggerated normativity of these actions reveals an absurd disposition of the former Ganka lurking behind the rank and external brilliance, shaded by spontaneous pragmatism. He entrusted his heirs with building a new stone church in the parish of the Vladimir Church of Vologda, of which he was a patron, but indicated that the bell tower should be built on the model of the cathedral, as if out of rivalry with the bishop's house (p. 77).

²⁵ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 41. Let me add one more superficial observation. Fetiev's focus on his own ego is indirectly confirmed by how business and personal matters are intertwined in his correspondence. For example, the documents of the "Archive" no. 37 ("In Memory of Isaiah, Archimandrite of the Spaso-Prilutsky Monastery," presumably dated 1672, p. 138) and no. 70 (a letter to him, 1678/1679, p. 162) are indistinguishable in everything but the generic definition. Even if this similarity is a single instance or a misstep that has nothing to do with the natural convergence of the sources, it is very eloquent.

Let us agree with the author's conclusion that

Fetiev's wealth that consisted of money and property, which led to his rapid rise and increased his social mobility during his short lifetime, was disposed of soon after his death. An undoubted role in it was played by the religious attitudes of consciousness and his own understanding of the comparative value of the wealth accumulated mainly by unrighteous means and the eternity of commemoration in the name of atonement for sins and salvation of the soul.²⁶

On the one hand, this foregrounding of the motives of personal salvation is understandable. On the other hand, too sharp is the contrast between the merchant's manner of everyday behavior and his sudden belated piety. The scrupulousness in the performance of the last Christian duty shows that here Fetiev by no means followed the traditional scenario but measured the custom with his own yardstick. Is it not the reason for the enormous scale of his distributions? If so, then it is obvious that in the personal variant under consideration, the tradition was approaching the limit beyond which it was inevitably emasculated.

Considering that Fetiev still did not cross the line of the mental Middle Ages, since his wealth was wasted, we will take into account one important circumstance. The success of Gavriila Fetiev actually turned out to be aimless, largely because he had no male descendants. His only son known to us, Evdokim, died young in the 1660s (p. 78, 80). If Fetiev had lived longer and managed to found a dynasty, the pattern of his testamentary behavior would certainly have been different both in contents and in the manifestations of the ethics behind it in the sources.²⁷

Fetiev's business and social development interrupted by his death, once again confirms that the statement of A. Gurevich is correct. He wrote that neither the family or the clan,

... nor the rigid codes of conduct of social estates absorbed the individual in socio-psychological terms so much that he was not able to acquire his own identity.²⁸

²⁶ Cherkasova, *Merchant G.M. Fetiev*, 78.

²⁷ For more information on how inheritance practices were built in families with a clearly defined "entrepreneurial profile" at the stage of dynasty formation, see I.N. Yurkin, "The Demidovs on the Way to an Industrial Dynasty: Strategies for Ensuring the Continuity of the Family Business" [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (72) (2021): 81–90.

²⁸ Gurevich, *The Individual and Society in the Medieval West*, 426.

We must thank Marina Cherkasova for the excellent occasion and material for thinking about it.

Список литературы

Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. Санкт-Петербург: Alexandria, 2009. 492 с.

Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / перевод с английского Т. Доброницкой. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.

К юбилею Марины Сергеевны Черкасовой // Вестник церковной истории. 2014. № 3–4 (35–36). С. 376–390.

Камкин А.В., Черкасова М.С. Северному отделению Археографической комиссии – 50 лет // Вестник Вологодского государственного университета. 2017. № 4 (7). С. 19–30.

Кивельсон В. Магия отчаяния: моральная экономика колдовства в России XVII века / перевод с английского В. Петрова. Санкт-Петербург: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2020. 480 с.

Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени / перевод с английского А.Б. Каменского. Москва: Древлехранилище, 2001. 461 с.

Малинина Н.Н., Черкасова М.С. Торговые люди и Православная Церковь в XVII в. (по архиву вологодского гостя Г.М. Фетиева) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 4 (16). С. 84–152.

Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). Москва: Кучково поле, 2011. 400 с.

Торговые иноземцы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII века: сборник документов и материалов / составитель М.С. Черкасова. Вологда: Киселев А.В., 2019. 235 с.

Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда: Вологодский государственный университет, 2021. 260 с.

Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: исследование и архив. Вологда: Древности Севера, 2020. 256 с.

Черкасова М.С. Научные достижения молодых ученых-историков // Вестник Вологодского государственного университета. 2018. № 2 (9). С. 81–83.

Черкасова М.С. Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. Москва: Центрполиграф, 2017. 255 с.

Юркин И.Н. Демидовы на пути к промышленной династии: стратегии обеспечения преемственности семейного дела // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 81–90. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-3\(72\)-81-90](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-3(72)-81-90).

Ransel D.L. The Diary of a Merchant: Insights into Eighteenth Century Plebeian Life // Russian Review. 2004. Vol. 63, iss. 4. P. 594–608.

References

- Cherkasova, M.S. *Kupets G.M. Fetiev: issledovanie i arkhiv* [Merchant G.M. Fetiev: Research and archive]. Vologda: Drevnosti Severa, 2020. (In Russian)
- Cherkasova, M.S. "Nauchnye dostizheniya molodykh uchenykh-istorikov" [Scientific achievements of young historians]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (9) (2018): 81–83. (In Russian)
- Cherkasova, M.S. *Severnaya Rus': istoriya surovogo kraja XIII–XVII vv.* [Northern Russia: History of the harsh land in the 13th – 17th centuries]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. (In Russian)
- Cherkasova, M.S., comp. *Torgovye inozemtsy v Vologde v XVII – pervoi chetverti XVIII veka: sbornik dokumentov i materialov* [Merchant foreigners in Vologda in the 17th – first quarter of the 18th century: collected documents and materials]. Vologda: Kiselev A.V., 2019. (In Russian)
- Cherkasova, M.S. *Vologda i Ustyug v epokhu Petra I (kraevedcheskie ocherki)* [Vologda and Ustyug in the era of Peter the Great (local history essays)]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2021. (In Russian)
- Davis, N.Z. *Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII veka* [Women on the margins. Three seventeenth-century lives], translated by T. Dobronitskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. (In Russian)
- Gurevich, A.Ya. *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [The individual and society in the Medieval West]. St Petersburg: Alexandria, 2009. (In Russian)
- Kamkin, A.V., and M.S. Cherkasova. "Severnomu otdeleniyu Arkheograficheskoi komissii – 50 let" [The Northern branch of the Archeographic Commission celebrates its 50th anniversary]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (7) (2017): 19–30. (In Russian)
- Kivel'son, V. *Magiya otchayaniya: moral'naya ekonomika koldovstva v Rossii XVII veka* [Desperate magic: the moral economy of witchcraft in seventeenth-century Russia], translated by V. Petrov. St Petersburg: Academic Studies Press; BiblioRossika, 2020. (In Russian)
- Kollmann, N.Sh. *Soedinennye chest'yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego Novogo vremeni* [By Honor bound. State and society in early modern Russia], translated by A.B. Kamenskii. Moscow: Drevlekhranilishche, 2001. (In Russian)
- "K yubileyu Mariny Sergeevny Cherkasovoi" [To Marina S. Cherkasova's anniversary]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, no. 3–4 (2014): 376–90. (In Russian)
- Malinina, N.N., and M.S. Cherkasova. "Torgovye lyudi i Pravoslavnaya Tserkov' v XVII v. (po arkhivu vologodskogo gostya G.M. Fetieva)" [The people of commerce and the Orthodox Church in the 17th century (on the basis of a Vologda merchant G.M. Fetiev's archive)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, no. 4 (16) (2016): 84–152. (In Russian)
- Ransel, D.L. "The Diary of a Merchant: Insights into Eighteenth Century Plebeian Life." *Russian Review*, vol. 63, is. 4 (2004): 594–608.
- Tikhonov, Yu.A. *Mir veshchei v moskovskikh i peterburgskikh domakh sanovnogo dvoryanstva (po novym istochnikam pervoi poloviny XVIII v.)* [The world of things in Moscow and St Petersburg houses of high-ranking nobles (according to new sources of the first half of the 18th century)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2011. (In Russian)
- Yurkin, I.N. "Demidovy na puti k promyshlennoi dinastii: strategii obespecheniya preemstvennosti semeinogo dela" [The Demidovs on the way to an industrial dynasty: Strategies for ensuring the continuity of the family business]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (72) (2021): 81–90. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-3\(72\)-81-90](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-3(72)-81-90) (In Russian)

Информация об авторе

Антон Владимирович Всеволодов – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и медиа, научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>, Vsevolodov12@yandex.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); старший научный сотрудник, Череповецкое музейное объединение (д. 30-а, пр-т Советский, 162602 г. Череповец, Россия).

Information about the author

Anton V. Vsevolodov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Communications and Media, Research Fellow, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>, Vsevolodov12@yandex.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia); Senior Research Fellow, Cherepovets Museum Association (30A, pr. Sovetskii, 162602, Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; принята к публикации 17.01.2023.

The article was submitted 13.01.2022; accepted for publication 17.01.2023.